

— И не нужно ждать никакого «потом»! Лучше отправьте меня обратно прямо сейчас! — Ань Чанцин был вне себя от гнева и обиды. Он наотмашь смахнул слезы рукой; растрепанные пряди волос у висков прилипли к щеке. Дважды всхлипнув, он в сердцах схватил пиалу с лапшой и швырнул ее прямо в окно: — Раз я так отвратителен князю, то и лапшу мою князь есть не захочет!

Сяо Чжигэ нахмурился с видом досады, но его зоркий взгляд тут же заметил волдырь на пальце юноши. Он сгреб его руку в свою и сурово спросил:

— Что это такое?

Гнев Ань Чанцина еще не улегся. Ему казалось, что этот человек совершенно его не любит, и сам он был слеп, раз возомнил о взаимности и надеялся жить с ним душа в душу. А когда его руку снова сжали, он с горячностью и досадой выкрикнул:

— Не утруждайте себя заботой, князь!

Сяо Чжигэ вздохнул и, осторожно обходя травмированную руку, обнял его, прижав к себе. В его обычно холодном и жестком голосе прозвучала редкая беспомощность:

— Дело не в том, что ты мне не нравишься, просто... — Просто что, он так и не закончил.

Изначально он лишь хотел укрыть его под своим крылом, чтобы юноше жилось хоть немного лучше. Однако незадолго до свадьбы он узнал, что Ань Чанцин воспротивился браку и восстал против Ань Чжикэ, из-за чего его насильно напоили порошком, лишаящим сил, и заперли под замком. Только тогда Сяо Чжигэ понял: возможно, Ань Чанцину не нужна подобная односторонняя защита. Для нынешнего Ань Чанцина он, вероятнее всего, являлся лишь дурно прославленным незнакомцем, силой принудившим его к браку.

Но раз уж они поженились, отпустить его Сяо Чжигэ уже не мог заставить себя. Оставалось только держаться подальше, чтобы лишний раз не пугать. Пусть он никогда и не смел надеяться на то, что Ань Чанцин полюбит его, ему все же не хотелось видеть в его глазах тот же страх, что испытывали перед ним остальные.

— Тогда почему вы не хотите разделить со мной ложе? — Раз уж вспыхнула ссора, Ань Чанцин отбросил всю стыдливость. Вскинув лицо, он требовательно спросил: — Вы знаете, что обо мне говорят слуги? Они твердят, что я мужчина, и у меня лишь пустой титул ванфэй, но без расположения князя я даже ребенка не смогу родить, чтобы обеспечить себе будущее...

Сяо Чжигэ, как и следовало ожидать, снова смолк. Он тяжело нахмурился, не ведая, что сказать, чтобы успокоить супруга. Разумеется, дело было вовсе не в отсутствии желания разделить ложе, просто он не хотел, чтобы тот подчинялся из страха перед его властью, а в будущем пожалел об этом.

Видя, что тот молчит, Ань Чанцин снова залился слезами, хотя только-только перестал плакать. Он и без того был хорош собой, а теперь, растрепанный, с покрасневшими уголками глаз и слезами на щеках, вызывал еще большее сочувствие. У Сяо Чжигэ болезненно сжалось сердце. Он наклонился, порываясь слизать слезинки с его лица, но в последний миг сдержался и с тихим вздохом повторил:

— Нет такого, чтобы ты мне не нравился. Если кто-то еще дерзнет распускать языки, я накажу их ради тебя.

Увы, Бэйчжань-ван за 20 лет жизни, проведенных в сражениях, умом и храбростью снискавший славу, отродясь никого не утешал. Всю свою нежность он отдал крошечному ванфэй в своих руках. Однако рассерженного ванфэй задобрить оказалось не так-то просто.

Ань Чанцин, немного успокоившись, шмыгнул носом и с сомнением спросил:

— Правда?

Сяо Чжигэ вздохнул с облегчением и кивнул:

— Мое слово твердо.

Ань Чанцин смерил его взглядом. Спутавшиеся мысли наконец прояснились, и он выдвинул новое требование:

— Тогда вернитесь со мной в спальню.

Сяо Чжигэ глубоко вдохнул:

— Хорошо. — В крайнем случае, придется каждый день отрабатывать кулачные техники по несколько раз сверх нормы.

— Всех служанок в основном дворе нужно заменить на слуг-мужчин. Мне не нравится, когда мне прислуживают девушки.

— Сделаю всё, как ты скажешь.

Ань Чанцин остался доволен и наконец перестал упрямствовать, расслабился и прижался к его груди.

Ощувив прижатое к себе тело, Сяо Чжигэ изо всех сил сдержался и прикрыл глаза, после чего аккуратно взял Ань Чанцина за раненую руку:

— Что с рукой?

Ань Чанцин слегка поджал пальцы и с легкомыслием ответил:

— Случайно обжегся, пока варил лапшу.

Кожа у него от природы была нежной, сколько бы тяжелой работы он ни выполнял. В этот раз он лишь случайно задел котел, как на пальце тут же выскочил волдырь. Он собирался смазать его снадобьем по возвращении, не думая, что Сяо Чжигэ окажется настолько внимательным.

— Не трогай, я обработаю рану, — напротив, Сяо Чжигэ отнесся к этому со всей серьезностью. Густые брови сдвинулись к переносице, он усадил Ань Чанцина у окна, затем принес подсвечник, серебряную иглу и мазь от ран. Дезинфицировав иглу над огнем свечи, он бережно приподнял его руку, осторожно проткнул волдырь и присыпал целебным порошком.

Он обрабатывал рану с предельным вниманием, движения его были невероятно мягкими — словно он боялся причинить хоть малейшую боль. И этот грозный, суровый полководец держит его руку так, будто перед ним хрупкая драгоценность.

Ань Чанцин опустил глаза, и в носу у него неожиданно опять заципало. За всю свою жизнь, кроме матери и младшей сестры, никто еще не относился к нему с такой трепетной заботой.

Сяо Чжигэ решил, что юноше больно. Его движения стали еще более чуткими, и с серьезным лицом он неумело попытался его утешить:

— Сейчас перестанет болеть.

Ань Чанцин гнусаво откликнулся: «Угу», бросил взгляд за окно и смущенно пробормотал:

— Завтра я снова сварю вам миску лапши?

Сяо Чжигэ отказался не задумываясь:

— Не нужно. Подобную работу пусть выполняют слуги, а ты подлечивай рану.

Ань Чанцин уставился на свой аккуратно перевязанный палец:

«...»

Что ж, ладно.

Слово от автора:

Сяо Чжигэ: Лапша, которую сварил женушка, пропала...

—————

Судя по вчерашним комментариям, князь на самом деле тот еще трусишка. Он просто боится, что Чанцин станет опасаться его, как и все остальные. Вот и обманывает сам себя, уходя подальше и наблюдая из засады, чтобы притворяться, будто ничего не случилось (

Так что, начисляются ли сегодня трусишке Сяо дополнительные баллы?

Перевязав рану, Сяо Чжигэ позвал слуг, чтобы те прибрались в кабинете. Пиала с лапшой, которую собственными руками приготовил Ань Чанцин, всё так же лежала под окном.

Убиравшие слуги до этого смутно слышали происходивший здесь шум. Входя, они опускали головы и, боясь перевести дыхание, молча приводили кабинет в порядок. Увидев под окном разбитую пиалу с явно нетронутой лапшой, они лишь мысленно посочувствовали Ань Чанцину. На второй день после свадьбы он навлек на себя столь великий гнев князя — каково же ему придется дальше?

Князь Сяо даже не подозревал, что ни за что ни про что взял на себя чужую вину. С непроницаемо-напряженным лицом он шел вслед за Ань Чанцином в главную спальню.

Убранство спальни оставалось точно таким же, как и в брачную ночь: на столе горели красные свечи, на кровати было постелено ярко-алое матрасное покрывало с узором из золотых монет и питонов, спускался ярко-красный полог из тончайшего шелка с тисненым цветочным узором, а на оконных рамах всё так же алели вырезанные иероглифы «двойное счастье» — всё вокруг дышало радостью новобрачных.

Подпольное отопление растопили вовсю, а в воздухе витал тонкий, еле уловимый аромат неких благовоний.

Взгляд Сяо Чжигэ потемнел, он непроизвольно следил за спиной Ань Чанцина. Вернувшись в комнату, Ань Чанцин снял тяжелый плащ. Под ним было лишь парчовое одеяние лазурно-

голубого цвета, тонкую талию перетягивал серебристо-белый кушак, с которого свисали нефритовый кулон «Двойная рыба» и дворцовый шнур с кистями и узорными узлами. При ходьбе золото и нефрит издавали тихий звон, от которого у Сяо Чжигэ щекотало в ушах.

Он незаметно поднял руку и измерил издали: талия Ань Чанцина оказалась настолько узкой, что ее не охватили бы и две его ладони — тонкая, словно ивовый прут, надави чуть сильнее — и сломается.

Он мысленно хмыкнул, подумав: «Такого хрупкого человека и впрямь беречь надо со всей осторожностью».

...Пока они шумели в кабинете, время уже перевалило за полночь. Ань Чанцин первым умылся и переоделся в белое нижнее платье, дожидаясь Сяо Чжигэ, чтобы вместе лечь спать. Во время купания он долго размышлял: пусть он и не знал, почему Сяо Чжигэ отказывался разделить с ним ложе, главное, что тот согласился вернуться в спальню. Подобное силой не вынудишь, так что лучше пустить все на самотек.

Поэтому когда Сяо Чжигэ вернулся из купальни, он увидел, что его ванфэй с распущенными длинными волосами, чуть склонив голову, улыбается ему и мягким голосом, словно хвастаясь, произносит:

— Я уже постелил постель.

Сяо Чжигэ на мгновение замер, но затем с невозмутимым видом подошел к кровати:

— Ложись отдыхать пораньше.

Ань Чанцин не заметил его смущения. Он забрался на кровать, лег у стены и со смешком похлопал по постели рядом с собой, призывая супруга быстрее ложиться:

— Одеяло немного холодное.

Сяо Чжигэ дотронулся до одеяла — оно и впрямь остыло. Даже руки прилегшего рядом человека были ледяными. Поколебавшись мгновение, он повернулся на бок и осторожно притянул его к себе:

— Подойди ближе, я согрею.

Ань Чанцин на секунду опешил, но быстро пришел в себя и без лишних сомнений прижал мерзнувшие ладони к его груди.

<http://bllate.org/book/18381/1767589>